

Размышляя об этом, он поднялся и вернулся в свою комнату, взял телефон и набрал номер Вэй Тяньюя.

Звонок прозвучал всего раз, прежде чем Вэй Тяньюй ответил, и его лицо появилось на экране. Он по-прежнему был красив, но стал более зрелым и сдержанным, а сейчас его лицо светилось от радости. — Цзыхань, как ты? — счастливо спросил он.

Лин Цзыхань давно не звонил ему первым, поэтому прекрасно понимал эту радость. Он мягко улыбнулся. — У меня всё хорошо. В этот раз в Пекине я пробыл всего несколько дней и уехал в спешке, прости.

— Ничего, у тебя работа, — Вэй Тяньюй был так счастлив, что глаза его сияли. — Цзыхань, я невероятно рад твоему звонку. Но, пожалуйста, не будь со мной так вежлив, ладно?

Лин Цзыхань смотрел на его лицо, на слегка голубоватые глаза, на выражение безудержной радости и тут же решил ничего не спрашивать. Если Вэй Тяньюй захочет рассказать — он обязательно выслушает. Если нет — будет уважать его решение. Как бы тот ни поступил, Лин Цзыхань не станет ни настаивать, ни упрекать. Вэй Тяньюй был рядом с ним все эти годы, и если подумать, радости в их отношениях было куда меньше тревог. Он мог дать ему лишь терпимость, доверие и безусловное принятие.

Размышляя об этом, он улыбнулся. — Не волнуйся, я не буду церемониться. Сейчас у меня обычная работа, ничего срочного, могу звонить. Ты тоже можешь звонить мне, но лучше вечером. Днём я работаю, в основном на улице, и телефона со мной нет.

Вэй Тяньюй обрадовался ещё больше и закивал. — Хорошо, понял. — Он видел, что Лин Цзыхань выглядит гораздо бодрее, лицо уже не такое бледное, и эта радость была поистине невыразимой.

Его счастье было искренним, но Лин Цзыхань знал его слишком хорошо и уловил лёгкое напряжение, скрытое в самой глубине. Он улыбался, спокойно глядя на нежное и красивое лицо на экране, и молча спрашивал: «Тяньюй, чего ты так напряжён? О чём беспокоишься? Что не можешь мне рассказать?»

Вэй Тяньюй, встретив его молчаливый взгляд, вдруг почувствовал неловкость. В этот самый момент ребёнок Лин Цзыханя уже развивался в искусственной матке. Эта мысль не позволяла ему смотреть прямо в честные и ясные глаза Лин Цзыханя.

Не желая его смущать, Лин Цзыхань мягко улыбнулся. — Тяньюй, иди занимайся делами. Если что — звони.

— Хорошо, и ты тоже, — поспешно кивнул Вэй Тяньюй. — Цзыхань, береги себя. Жду тебя.

Лин Цзыхань с улыбкой положил трубку. На душе стало спокойно, и он начал обдумывать дальнейшие действия.

На следующее утро Лин Цзыхань вышел на службу. В отряде никто не вспоминал о прошлом, все как обычно работали и тренировались.

Когда Лин Цзыхань уезжал в Пекин, четверо «волков» из отряда волновались, и лишь Лин Цзин не проявил никаких эмоций. После его возвращения сверху не последовало никаких распоряжений, и хвала «Дикому волку» продолжала литься рекой. Бойцы понемногу воспрянули духом, и в лагере вновь закипела жизнь.

Под внешним спокойствием Лин Цзыхань чувствовал тяжесть на душе.

Он видел, как бойцы искренне любят своего командира. К этому талантливому и храброму офицеру он и сам испытывал особые чувства и хотел сделать всё возможное, чтобы защитить его.

Лин Цзин работал как обычно, но Ло Цяньцю уловил в его настроении скрытое напряжение. Лишних вопросов он не задавал, предположив, что тревога Лин Цзина связана с Лин Цзыханем. А раз так — он не мог оставаться в стороне.

В воскресенье утром Ло Цяньцю и Лу Шаохуа неожиданно поджидали Лин Цзыхана у подъезда его дома в компании нескольких командиров отделений. Выйдя на улицу, Лин Цзыхань невольно удивился.

Ло Цяньцю приветливо улыбнулся. — Замкомрада, сегодня выходной, мы отдыхаем. Угости нас.

Остальные подхватили:

— Да, замкомрада, ты ещё нас не угощал!

Лин Цзыхань сразу же улыбнулся в ответ. — Хорошо.

Эти молодые и раскованные офицеры были в гражданском. С шутками и смехом они окружили Лин Цзыхана, тоже одетого в обычную одежду, усадили во внедорожник и поехали в Урумчи. С энтузиазмом петляя по узким улочкам, они добрались до небольшого ресторанчика, специализирующегося на жареной баранине, и торжественно заявили, что это самое известное место во всём городе.

Лин Цзыхань взглянул на прилавок перед входом. Баранину здесь и впрямь подавали с размахом: огромные куски мяса были нанизаны на длинные железные шампуры. Жир, капая на раскалённые угли, шипел и распространял умопомрачительный аромат.

Бойцы бросились к прилавку и начали заказывать. Лин Цзыхань же с вежливой улыбкой последовал за официанткой в таджикском национальном костюме, вошёл в зал и сел у окна.

Посетители здесь в основном ели жареную баранину и пили айран, поэтому официантка даже не спросила и сразу принесла ему стакан холодного напитка. Лин Цзыхань сделал осторожный глоток, но проглотить не смог — лишь подержал во рту, пока айран не согрелся, и только тогда проглотил. Напиток был самым что ни на есть настоящим — густым, кислым и очень приятным.

Официантки были таджичками, и некоторые, похоже, только начали работать, поэтому говорили по-китайски с трудом. Лин Цзыхань на беглом таджикском спросил, есть ли у них вегетарианские блюда. Официантка заглянула на кухню, вернулась и сказала, что есть жареные овощи. Он заказал порцию. Услышав его безупречное произношение, девушка обрадовалась и стала обслуживать его с особым рвением.

Вскоре командиры с радостными лицами ввалились в зал. За одним столом все не помещались, и они принялись сдвигать столы, поднимая такой шум, что на них оглядывались другие посетители. Лин Цзыхань не стал их одёргивать, лишь поблагодарил персонал на таджикском.

Вскоре они уселись, и на стол понесли огромные тарелки с дымящейся жареной бараниной. Бойцы принялись уплетать её за обе щеки, смеясь и болтая, — видно было, что они

наслаждаются моментом.

Лин Цзыхань вёл себя иначе. Он ел неспешно, лишь изредка пробуя овощи и отхлёбывая айран.

После сытного обеда счёт оказался чуть больше двухсот юаней. Лин Цзыхань без колебаний расплатился. Выходя из ресторана, молодые люди вежливо пропустили его вперёд, а сами намеренно задержались сзади.

Лин Цзыхань сделал несколько шагов, как вдруг сбоку на него налетел человек. Показывать свои навыки он не мог, поэтому лишь сделал вид, что опешил. Незнакомец сильно толкнул его, Лин Цзыхань пошатнулся и едва удержался на ногах. Тот тут же выпрямился и двинул кулаком, при этом громко ругаясь — в его речи мелькали ломаные китайские слова. Неподалёку стояли люди, которые смеялись, одобрительно кричали, свистели и хлопали.

Очевидно, это была провокация.

Лин Цзыхань слегка отклонился, избежав удара. Незнакомец опешил, но снова замахнулся. Лин Цзыхань успел заблокировать его руку. Его движения были явно медленнее, чем у командиров, но для борьбы с уличным хулиганом их было более чем достаточно.

Не раздумывая, тот выхватил из-за пояса острый нож в национальном стиле и рванул им в живот Лин Цзыханя. Удар был стремительным, расстояние — минимальным, и ситуация стала смертельно опасной.

Ло Цяньцю, Лу Шаохуа и командиры отделений побледнели и бросились на помощь, но, судя по расстоянию, они явно не успевали.

В этот критический момент чья-то рука со скоростью молнии ударила хулигана, отбросив его в сторону.

Командиры с облегчением воскликнули:

— Командир Лин!

Оказалось, что Лин Цзин, тоже в гражданской одежде, появился рядом с Лин Цзыханем и холодно смотрел на уличных забияк.

Увидев его, кто-то из них прошептал:

— Дикий волк... — И вся компания мгновенно разбежалась, словно испарившись.

Лин Цзин не удостоил Лин Цзыхана взглядом, лишь гневно посмотрел на Ло Цяньцю. — Возвращаемся.

— Есть, — покорно ответил Ло Цяньцю.

Лин Цзин смотрел на него странным взглядом. Ло Цяньцю сразу понял, что произошло что-то серьёзное, и тихо спросил:

— Командир Лин, что случилось?

Лин Цзин ответил так же тихо:

— Имин приехал.

<http://bllate.org/book/16287/1469083>